

Глава 14

Чжу Цинчэню казалось, что меховые одежды вот-вот раздавят его своим весом. Когда же сверху наконец донесся голос Государя, юноша испытал небывалое облегчение.

— Ступайте.

Чжу Цинчэнь поспешно поднялся с мягкой подушки и вместе с другими наставниками отвесил прощальный поклон.

Тяжелая шапка едва не перетянула его вперед — голова стала такой массивной, что юноша чуть не ткнулся носом в пол. Ему не давало покоя странное чувство: почудилось, будто Император всё это время едва сдерживал смех, глядя на него. Но поднять взгляд и проверить свою догадку Чжу Цинчэнь так и не осмелился.

«Система, посмотри за меня: Государь смеется надо мной?»

[Вроде бы... да, похоже на то]

«Бесит!»

Когда они покинули тронный зал, у дверей их уже поджидали слуги и евнухи. Старые наставники академии, бывавшие во дворе не раз, были знакомы со многими из них и приветствовали старых приятелей издалека. Чжу Цинчэнь же, впервые оказавшийся в этих стенах, послушно семенил следом, пока вдруг не заметил знакомое лицо.

Юноша приподнялся на цыпочках, высунул голову из-за спин коллег и расплылся в улыбке. Это был тот самый евнух, что часто навещался в его поместье с императорскими указами. Именно он передавал волю Государя, когда тот звал Чжу Цинчэня на пир или жаловал ему императорские яства. Человек он был добродушный и в первый визит юноши во дворец даже дал ему пару полезных советов.

В этот момент евнух шагнул навстречу процессии и поклонился самому старшему из присутствующих.

— Евнух Ян.

— Старый наставник Мэн.

— Как и в прошлые годы, — с улыбкой заговорил Ян, — господ разместили во Дворце собрания героев. Вещи уже доставлены, а прислуживать будут те же люди, что привыкли к вашим порядкам.

— Благодарю за заботу, — старина Мэн обернулся и вытянул Чжу Цинчэня из-за своей спины.
— Это Сяо Чжу, он здесь впервые. Пригляди за ним.

Юноша почтительно склонился:

— Евнух Ян.

Судя по всему, положение этого человека во дворце было весьма высоким.

— Само собой, — Ян ласково похлопал Чжу Цинчэня по руке и обратился к старику. — Мы ведь уже знакомы, к чему эти представления?

Чжу Цинчэнь лишь смущенно улыбнулся в ответ.

— Пойдемте, сначала осмотрим ваши покои.

— Хорошо.

Дворец собрания героев находился неподалеку от Дворца возвращивания покоя, где обитал Государь. Это был обширный комплекс с десятком боковых пристроек — места хватило бы еще на столько же ученых.

Оказавшись в отведенной ему комнате, Чжу Цинчэнь первым делом скинул тяжелые одежды и в изнеможении рухнул на кушетку. Вскоре слуги принесли ужин. Вконец измотанный событиями дня, юноша наскоро поел и принялся готовиться ко сну.

Облачившись в привезенное из дома мягкое меховое исподнее, он взбил подушку, похлопал одеяло и свил из него уютное круглое гнездышко. Устроившись поудобнее, Чжу Цинчэнь скомандовал:

— Система, потуши свечу.

[O]

Система подплыла к свече и взмахнула маленьким электронным экраном. Поднявшийся ветерок заставил пламя дрогнуть, и оно тут же погасло.

Чжу Цинчэнь, всё еще не до конца понимающий, как работают чудеса высоких технологий, использовал своего спутника исключительно в качестве гасителя свечей. Благодарно закрыв глаза, он уже готов был провалиться в сон, но в следующую секунду снова распахнул их.

[Что случилось?]

Юноша приподнялся, глядя в потолок балдахина:

— Что это за шум?

Выбравшись из постели, он подошел к окну и распахнул створку, глядя на противоположный дворец. Маленький евнух, дежуривший у двери, тут же подбежал на звук:

— Наставник Чжу желает чего-то?

— Почему так поздно, а кто-то всё еще играет на цине? — нахмурился юноша.

Слуга испуганно округлил глаза и зашептал:

— Тише, наставник Чжу! Это Его Величество, Его Величество.

Чжу Цинчэнь тут же зажал рот ладонью:

— Ой, виноват.

Ли Юэ славился любовью к пиршествам и музыке. Покои наставника находились как раз напротив Дворца возвращения покоя. То, чем наслаждался Государь, было прекрасно слышно и здесь.

— И долго Государь будет наслаждаться музыкой? — шепотом спросил Чжу Цинчэнь.

— Трудно сказать, — призадумался слуга. — Недавно Его Величество изменил правила в музыкальном приказе: музыканты и танцовщицы теперь разделены на тридцать смен, и каждая является перед светлые очи раз в три дня. Если на Государя найдет вдохновение, они могут играть хоть всю ночь напролет.

— Всю ночь?! — Чжу Цинчэнь был потрясен.

— Не беспокойтесь, наставник, в музыкальном приказе людей много, никто не перетрудится.

«Я за себя беспокоюсь!» — подумал юноша.

Как ему прикажете спать, если Император собрался всю ночь смотреть на танцы?

— Наставник Чжу, успокойтесь и ложитесь спать, — попытался утешить его маленький евнух.
— А вдруг Его Величество сегодня устал и скоро велит прекратить? Или же вы сами вскоре уснете?

— Только это и остается.

Не мог же он ворваться к Государю и стащить его с ложа — за такое его сразу изрубят в капусту. Чжу Цинчэнь закрыл окно, вернулся в кровать, зажал уши и зажмурился.

Однако чем сильнее он старался не слушать, тем отчетливее становилась каждая нота. Юноша перевернулся и зарылся лицом в подушку.

«Ну как можно всю ночь напролет смотреть на танцы? Неужели он совсем не хочет спать?»

[На то он и тиран-самодур]

Чжу Цинчэнь натянул одеяло на голову. Прошло полчаса.

[Пятисотый], — отрапортовала Система, считая, сколько раз он перевернулся с боку на бок.

Юноша совершил еще один кульбит.

[Пятьсот первый]

— А-а-а! — Чжу Цинчэнь в ярости взъерошил волосы и сел на постели. — Бесит! Ненавистный самодур! Прямо сейчас пойду и прикончу его, а сам стану императором!

Бормоча проклятия, он спустил ноги с кровати, нащупал туфли и накинул верхнюю одежду.

[Ты серьезно?! Нельзя! Это нарушит мировой порядок!]

Спутанные волосы, засученные рукава — Чжу Цинчэнь решительно зашагал к выходу.

«Стану императором — и первым делом назначу Пэй Сюаня первым эрудитом, а Лю Аня — третьим. Сразу их пожению, чтобы избавить от грязных помыслов князя Цзина. Сюжет не пострадает, миссия будет выполнена!»

[Еще как пострадает! Проблемы будут огромные!]

Но остановить разгневанного наставника было невозможно. Он распахнул дверь, вновь

переполошив дежурного евнуха.

— Наставник Чжу, вы еще не спите?

— Не спится, — процедил юноша, сдерживая гнев. Не мог же он на самом деле признаться в своих дерзких мыслях.

Он решительно зашагал вниз по каменным ступеням, направляясь к Дворцу возвращения покоя. Ну нельзя же быть таким эгоистом и мешать другим спать! Слуга бросился вдогонку:

— Куда вы, наставник?

— Внезапное озарение! — отчеканил Чжу Цинчэнь. — Срочно нужно обсудить с Его Величеством темы весенних экзаменов!

— Но ведь глубокая ночь... Давайте завтра.

— Нельзя! Дело государственной важности, касается основ нашей империи, я должен идти сейчас...

Чем ближе он подходил к покоям Императора, тем громче становилась музыка. В какой-то момент боковая дверь приоткрылась, и оттуда вышел слуга с подносом чая. Чжу Цинчэнь невольно заглянул внутрь и замер как вкопанный.

В ярко освещенном зале за ширмами и занавесями музыканты прилежно терзали струны. Но за второй перегородкой, на небольшом ложе, полулежал Ли Юэ. Закинув ногу на ногу, он вовсе не смотрел на танцовщиц — он сосредоточенно читал какой-то документ. В то короткое мгновение, пока дверь закрывалась, Император, словно почувствовав чужой взгляд, поднял голову и посмотрел прямо в сторону Чжу Цинчэня.

Юноша опомнился и в ужасе попятился.

«Всё, мне конец...»

Он схватил за руку маленького евнуха, подхватил Систему и бросился наутек, пока Император его не опознал. Пробежав пару шагов, он сообразил, что это слишком подозрительно, и замедлился, притворяясь лунатиком.

По счастью, его комната была совсем рядом. Чжу Цинчэнь юркнул внутрь, велел слуге больше не дежурить и немедленно ложиться спать. Сам же он залез под одеяло и мелко задрожал.

[Да что с тобой? Что случилось?]

— Обложка в восемь сгибов, алая печать... — пролепетал Чжу Цинчэнь. — Доклад. Он читал доклад, причём секретный.

[До... доклад? Тот самый, о котором я думаю? Но он же самодур!]

— Вот именно, — юноша отрешенно кивнул. — Он никакой не самодур. Он всех обманывает. Притворяется, что увлечен музыкой, а сам тайно изучает дела. Он скрывает, что на самом деле держит всё под контролем.

[Но от кого скрывает?]

— Пока не знаю, но этот человек еще жив, а я вот точно скоро умру, — Чжу Цинчэнь натянул одеяло до самого носа. — Я раскрыл его тайну, он избавится от меня как от свидетеля. Всё, я снова покойник.

[Да не бойся ты. Было темно, дверь открылась лишь на миг. Может, Государь тебя и не заметил?]

— А если заметил?

[Если бы заметил, вряд ли отпустил бы так просто]

— Конечно, он не станет убивать меня открыто. Наверняка уже придумывает, как подсыпать мне яд.

От этой мысли юноша спрятался с головой. Музыка больше его не беспокоила — страх оказался сильнее шума. В конце концов, то ли от истощения, то ли от ужаса, он забылся сном.

А в это время в Дворце возвращивания покоя Ли Юэ действительно просматривал доклады. Над его ухом то и дело пищал механический голос его собственной Системы:

[Внимание, носитель! Прошу придерживаться образа персонажа! Пожалуйста, соблюдайте роль!]

Император перевернул страницу:

— Разве слушать музыку до рассвета — это не поведение праздного правителя?

[Но вы при этом читаете отчеты! Настоящий самодур не стал бы к ним прикасаться!]

— Ну вот, — невозмутимо отозвался Ли Юэ. — С одной стороны я самодур, с другой — мудрый монарх. Одно уравнивает другое, в сумме получается ноль. Считаю, что я ничего и не делал. Не ворчи.

[Но по сюжету вы должны просто сидеть и ждать, пока князь Цзин придет вас убивать!]

Ли Юэ холодно усмехнулся и, не глядя, швырнул секретный доклад так, что тот придавил светящийся шарик Системы в углу.

— Сгинь.

Он взял новый свиток. Система не могла его остановить и лишь продолжала монотонно вещать:

[Пожалуйста, придерживайтесь образа...]

Государь в такт музыке напевал какой-то невнятный мотив, оставаясь непоколебимым. Музыканты были ему нужны лишь для двух целей: во-первых, чтобы поддерживать репутацию самодура перед Системой, а во-вторых — заглушать её назойливый писк.

Одной стрелой двух зайцев. Настоящий гений.

На следующее утро Чжу Цинчэнь проснулся с тяжелой головой.

— Ой... как больно...

[Проснулся? Поздравляю, за ночь тебя не отравили], — меланхолично отозвалась Система.

Юноша окончательно пришел в себя и вспомнил о вчерашнем открытии. От страха даже его меховое исподнее, казалось, встало дыбом. В этот момент в дверь постучал евнух Ян:

— Наставник Чжу, Его Величество сегодня отменил утренний прием и приглашает господ ученых во Дворец возвращивания покоя на завтрак, дабы заодно обсудить темы весенних экзаменов.

— Хорошо... — Чжу Цинчэнь постарался придать лицу спокойное выражение. — Благодарю, я скоро буду.

— Не спешите, наставник.

Юноша остался сидеть на кровати, нервно покусывая пальцы. Всё, это конец. Если Государь его запомнил — яд будет в еде. Если не заметил, то вспомнит, стоит только увидеть его физиономию.

[Запрещено заниматься самокритикой, старайся винить во всём других], — высветился лозунг на экране Системы.

Чжу Цинчэнь нашел этот совет весьма здоровым. Это всё проклятый самодур виноват! Зачем было селить его так близко? Зачем было устраивать концерты по ночам?

Обрядившись в чистую одежду, юноша даже отвесил поклон статуэтке бодхисаттвы Манджушри, которую прихватил с собой. Хоть бы пронесло.

Трясаясь от страха, он вместе со старыми наставниками отправился на аудиенцию. По дороге один из стариков проворчал:

— Государь давно забросил утренние приемы. Хорошо хоть, о экзаменах печется.

Чжу Цинчэнь едва не кинулся зажимать ему рот.

«Молчи! Его Величество мудр и велик, он правит по ночам, даже не выходя к вам! Не смей дерзить!»

В Дворце возвращивания покоя ученые-чиновники отвесили поклоны и заняли места по правую сторону. Как только Чжу Цинчэнь устроился рядом со стариной Гао, слуги внесли подносы с завтраком. Следом за ними вошла и группа музыкантов.

Наставник Гао нахмурился и прошептал:

— Неужели Его Величество настолько одержим музыкой? Даже во время завтрака без неё не может?

Чжу Цинчэнь снова едва не схватил его за губы.

«Да замолчи ты уже! Наш мудрый монарх всю ночь читал доклады, неужели он не заслужил немного музыки для отдыха?»

Всё утро Чжу Цинчэнь только и делал, что пытался унять коллег, чтобы те не наговорили лишнего. Старики же только ворчали, считая, что он делает из мухи слона.

В конце концов юноша сдался и посмотрел на свой стол. Кормили во дворце отменно: вонтоны, крабовые димсамы, пельмени в соевой пленке... Чжу Цинчэнь невольно шмыгнул носом. Что ж, если это его последняя трапеза перед казнью, то она хотя бы вкусная. Он отправил в рот ароматный вонтон. Очень вкусно!

Из-за бессонной ночи под глазами наставника залегли тени. Ли Юэ мельком глянул на него, указал на несколько нетронутых блюд на своем столе и кивнул евноху. Ян, поняв намек, лично понес угощения вниз.

Всё это была милость Его Величества.

На стол к Чжу Цинчэню попала чаша с супом из молодого голубя. Птица долго томилась на медленном огне с ломтиками женьшеня — идеальное укрепляющее средство. Евнох уже собирался подать чашу, но Государь его придержал.

Император взял палочки и ловкими движениями разделил нежное мясо на несколько частей. Так птицу было удобнее есть. На людях Чжу Цинчэнь всегда держался крайне благопристойно, и если бы мясо не разделили за него, он бы ни за что не стал возиться с целой тушкой.

Ли Юэ отложил палочки и жестом велел уносить. Ян почтительно поставил чашу перед юношей.

— Наставник Чжу, милость Государя.

— Благодарю Его Величество, — Чжу Цинчэнь выпрямил спину, стараясь сохранять невозмутимость.

Он осторожно снял крышку и заглянул внутрь. Его лицо мелко задрожало.

«Система... он прислал мне растерзанного голубя...»

«Это предупреждение! Он говорит, что если я проболтаюсь, меня четвертуют так же, как эту птицу!»

Система в голове Ли Юэ тоже подала голос:

[Что с ним? Почему он опять чуть не плачет?]

Император же, глядя на дрожащие плечи юноши, удовлетворенно подумал:

«Моя Чжу Цинцин, должно быть, снова тронута до глубины души моей заботой».

<http://bllate.org/book/15820/1427238>